

Комсомольский юбилей, помимо прочего, хороший повод рассказать о молодежных лидерах, о людях, которые формировали свои характеры и способности в бурлящей буче молодости. Ведь сколько бы нынче ни упрекали комсомол в идеологической ангажированности, но объективной реальностью является и то, что это была серьезная школа воспитания настоящих, крепких, патриотичных кадров самого широкого управленческого спектра. Речь об одном из них — об Александре Федоровиче Меркулове, комсомольском секретаре 1970-х — 1980-х годов.

Казалось бы, чего проще рассказать о человеке, которого знаешь более 40 лет. Но так же нет и ничего более сложного, хоть и знаешь его всю жизнь. Для рассказа о моем давнем друге есть причина достойная — 3 января он отметил свой 65-й день рождения. Это, если верить метрике... На самом деле ему намного меньше, чем гласят официальные данные. Он был и остается человеком с комсомольской закалкой. А это, как говорят, не просто возраст. Это судьба!

24 марта 1977 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР образован Каширский район. Это официально. А неофициально нам с коллегами по Новоусманской районной газете «Путь Ленина» еще зимой было известно, что громадный район будет поделен надвое. И мы даже знали границы этого раздела. К территории Каширского района отходила лаковая жемчужина административного образования — поселок Нововоронежский — «столица» одноименной АЭС, которая тогда по качеству жилья и снабжения превосходила Воронеж. Новоусманцам, конечно, было жалко терять такую территорию.

Судьба распорядилась так, что меня направили работать заместителем редактора районной газеты как раз во вновь созданный Кашир-

Комсомольский секретарь
Александр Меркулов

ский район. Приехал в село Каширское с настроением, мягко говоря, не очень. Грязь непролазная, асфальта — сотня метров.

После положенных тогда по партийному этикету собеседований с райкомовским начальством мы встретились с Александром Меркуловым, вторым секретарем райкома комсомола. Он-то «в этой Кашире» жил уже пару месяцев и, как мне показалось, успел ее познать и полюбить. Честно говоря, меня даже несколько удивил его неподдельный оптимизм.

— Здесь все так здорово! Интересно. Когда приступаешь к работе?

Подумал: мне-то после Новой Усмани и то тоска, а им-то с женой, только что окончившим Высшую комсомольскую школу в Москве...

Запомнился и его неподдельный восторг каширскими перспективами:

— Знаешь, сколько комсомольцев в районе?

Пожимаю плечами.

— Более шести тысяч! Здесь же атомная электростанция, а там сотни высокообразованных инженеров-атомщиков. Это Всесоюзная ударная комсомольская стройка! Ведь столько полезного можно сделать вместе с районной газетой, чтобы поднять и активность молодежи, и культуру, и досуг организовать.

Знал я, конечно, про эту местность не меньше, чем он — это же «мой» район поделили надвое. Но ему, «пришельцу» из Москвы, все это было в новинку, задор его так и распирал. Я удивлялся — почему?

Потом понял — характер. Он не мог по-иному. Он влюблялся в порученную работу, в тех людей, с которыми делал дело, и так было у него везде, где бы он ни трудился. Потому и до сих пор у него друзья и по Кашире, и по Петропавловке, и по Острогжску, и, само собой, воронежские.

А жила тогда семья неисправимых оптимистов Меркуловых в сарайчике, превращенном предприимчивым хозяином во времянку и сдававшим ее внаем резко нахлынувшим в село районным чиновникам и специалистам. Бытовые условия были, как говорится, «аховые». В комнатухе стояла кровать, стол, два стула, электроплита «Мечта». Остальные «удобства» во дворе.

Летом-то было еще терпимо, но ближе к зиме даже вода в ведрах замерзала. И тут уж кто первый встал, тот и должен был пробить лед в ведре и поставить чайник. По заолодавшей осени было принято мужское решение — женщин переселить в более теплое помещение, а мужчины из сословия районных начальников продолжали «спартанское существование». Пока не сдали в декабре первый «районный» двухэтажный восьмиквартирный дом. Меркуловым повезло, им в нем выделили квартиру. И они под самый Новый год легко перетасили в узелках свои пожитки. Наша молодость не страдала вещизмом!

Сам-то я тоже жил во времянке, но в селе Новая Усмани. И все сельские неудобства компенсировались, как тогда казалось, близостью к Воронежу, где в лучшем случае от центра села до Воронежа — тут тебе и кино, и парк «Динамо» с аттракционами и кафе, и цирк с театрами. Считаю, практически в городе живем, не в какой-то дыре... Меня, все свое детство месившего в резиновых и кирзовых сапогах раскисший полянско-ольшанский чернозем, это грело... Но вот что запомнилось: ни тогда, ни позже я ни разу не слышал от Меркуловых, что, дескать, в такую дыру их сослали...

«Будем работать вместе!» — было наше общее мнение при первой встрече. С настроением Александра и мне передалось что-то светлое и придало оптимизма: «Ну, живут же тут люди, и вроде неплохие».

Хотя, откровенно говоря, не хотелось уезжать из пригородной Новой Усмани. И даже, почти невиданная по тем временам, дерзость меня обуяла, и я пару раз отказывался в обкоме партии от должности в новой газете. Но все-таки понятие «партийная дисциплина» в то время не было пустым звуком.

Как и для Александра с Надеждой. Их просто распределили в распоряжение Воронежского обкома комсомола и направили в Каширу. Надежду сразу приняли инструктором в отдел пропаганды и агитации райкома партии, а Александру еще нужно было избраться — должность-то комсомольского секретаря выборная. И он, что называется, на ходу готовя первую учредительную конференцию, знакомился с активом и рядовыми комсомольцами. Работал самозабвенно и потому на той конференции набрал максимум голосов, а позднее — с каждым отчетно-выборным этапом, улучшал свой результат уже в качестве первого секретаря.

Меня нередко занимал вопрос: «Ну чем он берет молодежь?» Ведь все, кто работал с ним, всегда были за него горой. Даже моя жена, в то время заведующая сектором учета членов ВЛКСМ и финансов райкома. Хотя я знал, что Меркулов не со всеми и совсем не всегда бывал пайнышкой. За упущения в работе мог любого, что называется, припечатать.

На мой взгляд, объяснение одно: он был лидером. Ни одно мероприятие без него не обходилось. Футбол, волейбол, шашки, шахматы — он считал, что везде должен быть первым. Хотел и умел быть первым! Ну, а уж если проигрывал, то затменно переживал, но делал выводы.

Он даже на рыбалке стремился к лидерству. Как-то воскресным утром мы с ним на одном из диких прудов пытались половить рыбку способом, отдаленно напоминающим любительскую ловлю. Поначалу не везло, и мы приняли решение затянуть снасть. Я отказался переплывать на неизведанный и поросший камышом берег. Даже предложил махнуть куда-нибудь в другое место. Но Меркулов быстро переплыл пруд, повозился в камышах. И когда победно поднял в руках солидного карпа, я просто обомлел.

— Во-о-от! Килограмма полтора. Куда девать?

— В трусы, — с хохотом нашелся я.

«Интеллектуальный» обмен мнениями первого секретаря райкома комсомола и редактора районной газеты закончился тем, что первый «привез» добычу на другой берег... в плавках. Над этим эпизодом мы смеемся до сих пор.

Райком комсомола располагался тогда в Доме культуры (в Доме — так тогда писали). Районный отдел культуры и райком комсомола соседствовали в нем. Молодежи выделили несколько комнат за сценой, которые архитектор планировал под хозяйственные нужды. Райкомовцы там и проводили собрания-совещания, а также прием в комсомол.

Однажды по осени на бюро райкома привезли большую группу учащихся нововоронежских школ. Новобранцы из атомограда, конечно, чувствовали себя «в этой Кашире» почти как столичные жители, проездом попавшие в Ухрюпинск. И, как нередко бывает в жизни, в самый торжественный момент все вдруг услышали нечто: какие-то царапающие звуки, идущие от трубы отопления. И тут все увидели спокойное шествие по трубе здоровенной крысы. Визг будущих комсомолок заставил ее лишь слегка ускорить шаг. Девчонки пулей вылетели в коридор, откуда их потом не сразу смогли вернуть на заседание бюро.

Подозреваю, что сегодня в Нововоронеже есть женщины в возрасте слегка за 50, которым вспоминается этот эпизод.

* * *

Трудовые будни у каждого были свои. Райкомовцы, как и мы, журналисты, мотались по селам, полям и фермам. От нехватки автотранспорта мы садились в одну машину, чаще в «комсомольский» УАЗик, и каждый из нас на месте занимался своим делом. Они проводили собрания, политинформации, собирали взносы. А это было на пользу и журналистам: когда еще поймашь на интервью молодого механизатора или передовую симпатичную доярку?..

О чем мы тогда говорили, чем интересовались? В первую очередь о работе, о жизни на селе. Не скрою, в русле политики тогда заглавное место зачастую занимали проценты выполнения плана. Тогда об этом писали и областные, и районные газеты: надои молока от коровы, посевная, прополка свеклы, уборка зерновых, вспашка зяби, снегозадержание... Да мы и сами, райкомовцы и журналисты, лично пропалывали эти гектары сахарной свеклы, потом ее убирали и сдавали в зачет колхоза «Большевик», получая при этом копейки за работу. Правда, в качестве награды нам выдавали и сахар за символические деньги. И это считалось нормальным, из этого и состояла трудовая сельская жизнь!

Сейчас, конечно, можно посмеяться над темами районов тех лет. Но есть повод погрустить и над темами сегодняшних московских СМИ: убийства, изнасилования, катастрофы, скандалы... Если нет своей, российской «чернухи», то нате вам — жестокое убийство, например, в Сиэтле или давка людей в Барселоне. Телетитры предупреждают о смерти от курения, а ежедневные рассказы о зверских убийствах и потоки крови на любом экране — это вроде успокоительного, что ли?..

* * *

Нередко мы с Александром оказывались в одном хозяйстве. Правилось, что он сразу, с присущим ему напором и добрым юмором, организовывал сбор доярок или механизаторов и проводил нужную беседу. А журналисту разговаривать чаще всего некогда — ему запоминать да записывать надо (диктофоны тогда для районок были попросту недоступны).

Уже в первые месяцы 1977 года у нас с ним образовался своеобразный тандем. Все села и поселки района за месяц мы непременно объезжали. И даже не столько потому, что райком партии закреплял нас за хозяйствами в качестве так называ-

емых уполномоченных. Мы же были просто молодые, нас все время звали, увлекали неотложные дела, нам так хотелось многое сделать! При этом верили, что, выполняя указания партии и правительства, работаем на благо Родины, на приближение коммунизма... А потому работали искренне, задорно, не считаясь с личным временем, порой забывая о завтраке-обеде. Детей зачастую видели спящими в кровати или заспанными по дороге в детский садик...

14 сентября 1978 года у Меркуловых родился сын Алеша. Крепкий здоровый малыш обрадовал всех, кто знал его родителей. Радость наша ограничивалась лишь, видимо, ассортиментом положенных по такому случаю гастрономических продуктов. На следующий день часть из поздравлявших вместе со счастливым отцом поехала в Воронеж проводить роженицу. Один из хорошо отметивших накануне прибавление в семье комсомольского «второго», да и, видимо, от избытка нахлынувших чувств, через открытое окно в больничной палате решил «посочувствовать» женщине.

— Надя, больно?

Надежда, никогда не лазившая в карман за словом, отбрила:

— Иди сюда, ложись и попробуй!!!

Группа товарищей тихо сползла с подоконника...

А потом было решено поздравить Меркуловых с рождением сына через районную газету. Тогдашний первый, видимо, все еще пребывавший под впечатлением от несостоявшегося эксперимента «полежать» в палате рожениц, щедро пообещал: «Райком оплатит поздравление». Вот оно:

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Райком комсомола

сердечно поздравляет

второго секретаря райкома комсомола Меркулова Александра Федоровича и его супругу Надежду Майрамовну с **рождением сына.**

Желаем родителям новорожденного крепкого здоровья, семейного счастья и всего самого лучшего.

Но что-то пошло не так... Конечно, райкомовский бюджет таких трат не предусматривал. (Это вам не сегодняшние времена, когда на корпоративы миллионы тратятся). Помню, что этот долг примерно рублей в 10 «перешел» и мне, как следующему редактору. И долго еще ревизоры из управления облполиграфиздата настойчиво требовали погасить его, вплоть до получения денег от счастливых родителей. Родителям Алеша повезло, долг редакции был списан как «бесперспективный для востребования»... Этот «финансовый казус» мы с улыбкой вспоминаем до сих пор.

* * *

Довольно быстро стало понятно, что газета приобрела хорошего автора в лице комсомольского секретаря Меркулова. Сказалась его хорошая подготовка в ВКШ и комсомольский задор. Его статьи на темы молодежных проблем в газете печатались регулярно. Он сам подбирал актуальные темы и требовал от секретарей комсомольских первичек поступать так же. И в какой-то момент автору с его активом не стало хватать места в газете. И Меркулов, не без моего «попустительства», отвоевал в газете целую полосу под названием «Каширский комсомолец».

Сейчас бы это назвали проектом, отбили бы гранты... Но тогда это делалось на чистом энтузиазме и уж, конечно, вполне бескорыстно. Райком комсомола поставлял

нам «сырье» в виде статей и заметок активных комсомольцев, редакция все это литературно обрабатывала и верстала «Каширский комсомолец» не меньше одного, а то и двух выпусков в месяц. Авторам заметок выплачивался гонорар — от 2 до 5 рублей за материал. Минус, подоходный и, если это кого-то касалось, налог на бездетность.

Кстати, признаюсь, заголовок молодежной страницы, как и ряд заставок типа «Партийная жизнь», «Народный контроль» нарисовала моя жена Зоя. Скажете, коррупция?! «Ой, я вас умоляю!» — как говорят в Одессе. Найти в новом сельско-атомном районе более-менее сносного художника, согласившегося бы за «рупь двадцать» рисовать мелкие графические рисунки, да еще чтобы они понравились привередливому редактору и его строгому идеологическому начальству в обкоме партии, было утопией. Мы спасались от утопии «семейным подрядом». А жена, будучи в декретном отпуске, заработала гонорар примерно в 10 рублей. И это с вычетом подоходного!

Наш с Александром каширский период растянулся с небольшой разницей на шесть лет. Творческое сотрудничество редакции газеты и райкома комсомола приносило определенные моральные дивиденды. Газету нередко на кустовых (так тогда именовались совещания по географически близким районам) и даже областных совещаниях похваливали за активное освещение проблем молодежи. Рос и тираж издания — более 12 тысяч подписчиков!

А райком комсомола и его первого секретаря тоже ставили в пример на областном уровне. Там, конечно, определяли эффективность работы райкома и по другим показателям. Но новый райком среди 32-х в области довольно быстро вошел в число лидеров. Активность и эффективность работы первого секретаря и его райкома была неоспорима по большинству показателей.

* * *

День печати — 5 мая и День комсомола — 29 октября, не считая других праздников, в том числе и семейных, мы отмечали вместе. Идиллия? Ну почти, но не всегда... Для тех, кто мало знает Меркулова, сообщу, что нередко наши дискуссии, особенно о «роли и месте», заканчивались, мягко говоря, обоюдным «фи». Никто не хотел уступать! Да это, кстати, длится всю нашу жизнь! Но надо отдать должное мудрости Александра, он через некоторое время, даже более короткое, чем у меня, обычно возвращается, казалось бы, вчера порванные в клочья взаимоотношения в нормальное русло.

Однажды опытный комсомольский работник, волею судьбы оказавшийся последним заместителем секретаря парткома аппарата ЦК ВЛКСМ Николай Егорович Прилепин обмолвился: «Александр Федорович удивительно позитивный человек. С ним общаться легко и интересно. Глядя на него, можно подумать, что у этого человека по жизни нет никаких проблем. Хотя мы ж с тобой знаем, что не всегда у него все было гладко. Но его внимание в момент общения с тобой направлено только на тебя. А ведь, бывает, общаешься с человеком, у которого вроде все по-житейски нормально, но только спроси его: «Как жизнь?», и сразу услышишь: «Ой, ну разве это жизнь...» Николай Егорович, и сам добротного характера человек, людей привык оценивать по себе.

* * *

Меркулова жизнь не баловала. Я помню, как он тяжело переживал смерть молодой сестры-красавицы Валентины, оставившей двух детей сиротами. Он не бросил племянниц. Потом безвременная смерть отца, Федора Тихоновича. Свою маму, Анну Петровну, он похоронил немногим позже моей. На похороны моей мамы он

приехал вместе с бывшим губернатором И. М. Шабановым, за что я им обоим бесконечно благодарен...

С Меркуловым дружить и легко, и непросто. Он как к себе требователен, так и к тем, с кем общается. В обойме друзей у него разные люди. И по характеру, и по социальному положению. Но было у него и несколько таких «друзей», которых он по морально-этическим соображениям жестко изгнал из ближнего круга. Как говорится, «обжалованию не подлежат»... А с теми, кто с ним бескорыстно дружит, ему и сегодня есть о чем поговорить и даже поспорить. Ему не нужно дважды повторять просьбу о помощи. Обычно он без лишних слов находит способ решения проблемы. А потом слова искренней благодарности почти сразу прерывает фразой: «Ой, да ладно тебе...»

Меркулов при любых обстоятельствах оставался «желтым Шуриком». Скажем: после должности первого заместителя губернатора Воронежской области он года два был без работы. Кстати, больше чем уверен, что их команда во главе с И. М. Шабановым проиграла тогда во многом потому, что у Москвы сложилось мнение о Воронеже как об одном из центров «красного пояса».

И вот профессиональный управленец, умный, здоровый, крепкий и деятельный мужик в 50 с небольшим лет, враз оказался не у дел. Как и ряд других его коллег. Помню, по косвенным разговорам, хотя он и не любит это вспоминать, но получалось, что «этот Меркулов» ну просто какой-то «вражеский элемент»... А он просто оставался гражданином, который болеет душой за область, за государство и готов подставить и плечи, и спину для работы на это государство...

* * *

Вернемся в Каширу. В октябре 1982 года прошел слух, что Меркулова «забирают в обком комсомола». Ну вот, думал я, рвутся устоявшиеся связи... Мое расстройство было вполне объяснимо — теряю настоящего товарища. Даже не его должность — секретарь обкома комсомола — меня напрягала. Просто я понимал, что расстояние от Каширы до Воронежа может отодвинуть нас друг от друга.

Новый 1983-й мы встречали в его каширской квартире с неожиданным для меня приездом первого секретаря обкома комсомола Владимиром Федосовым. Компания с признанным талантливым лидером воронежской комсомольки была приятна, интересна, но все равно омрачалась легкой грустью. Александр, я думаю, это понимал и был щедр на угощение. Как говорят, в питье-то норму и мы знаем... Но... кто же ее выпьет?! Мы это сделали! Потом и втроем, и по отдельности со смехом вспоминали, как оказалось, мои удавшиеся «смотрины».

В апреле 1983 года я был переведен в Воронеж заместителем редактора «Молодого коммунара». Здесь, конечно же, не обошлось и без «руки Меркулова». Но

Пресс-конференция управляющего Воронежским отделением Пенсионного Фонда России А. Ф. Меркулова

сработала она вразрез с мнением моего деду, который спросил меня тогда: «А вот что ты все в этих газетах-то делаешь?». По его понятию, профессию-то можно было поменять на более надежную, например, тракториста или бригадира... Опешивши, я сказал, что, мол, я ж за статьи деньги получаю. Дед с усмешкой удрученно покачал головой: «Черт-те что...» Для его понимания что-то все равно было тогда неправильным.

...Воронеж всегда грезил статусом столицы Черноземья. Амбиции журналистов «Молодого коммунара» тоже простирались до уровня столичной «Комсомолки». Работа в «Молодом коммунаре» была для меня очень интересной и хорошей творческой школой. В газете все делалось не шаблонно, начиная от выбора тем и героев очерков и до экстравагантной верстки материалов. Это мне очень нравилось. Мы с редактором Владимиром Новохатским, ответственным секретарем Иваном Щелоковым в каждом номере пытались удивить читателя. И темами материалов, и неординарными героями, и даже версткой полос (страниц, если попростому). Версткой мы «удивляли» даже опытных метранпажей. (Кстати, метранпажи — это те работники типографии, которые расставляли отлитые в металле строчки в специальную раму, чтобы потом из них получалась удобная для читателя газета.) Но наши «мэтры» терпеливо исполняли в металле любые выкрутасы. По-моему, в Черноземье этим тогда «страдал» только наш «Молодой коммунар».

Обком комсомола, чьим органом являлась молодежная газета, нередко попадал в позу, мягко говоря, удивленного. Секретарь по идеологии Александр Меркулов, по должности курировавший газету, время от времени получал от вышестоящих товарищей ЦУ: «Унять и приструнить писак». Но ничего такого ни разу не случилось! Разговоры, конечно, были. Но они, хотя и проходили обоюдоостро, но уважительно, с разъяснением позиции и выслушиванием аргументов сторон.

А однажды Александр Федорович и сам подписывал в свет номер «Молодого коммунара» как назначенный учредителем временный редактор в отсутствие штатных редактора и его заместителя. Не знаю, правда, насколько он волновался при этом, хотя «фитили» (любимое слово журналистов) в том номере были. Но подписал номер без каких-либо правок или нравоучений. Журналисты это оценили и, как сегодня говорит молодежь, «заценили» идеологического секретаря.

Сам он не раз с теплотой вспоминал этот эпизод в своей биографии.

— Ненадолго, но окунулся в атмосферу рутинной газетной работы. Было необычайно интересно, почувствовал особую ответственность за печатное слово. Газета вышла в срок, скандала не случилось. А через некоторое время мне еще в редакции показали письмо благодарного читателя, адресованное «редактору Александру Меркулову». Жаль, не сохранил его...

* * *

Молодость имеет известный недостаток — быстро проходит. Существовавшая тогда партийная практика обкатки комсомольских кадров на хозяйственной работе безжалостно настигла и Александра весной 1986 года. Не скажу, что эта практика была совсем уж плоха. Но с Меркуловым тогда обошлись как-то уж очень... Партийный функционер, занимавшийся кадрами, счел чрезвычайно важным вписать в трудовую книжку Меркулова строку «хозяйственную деятельность» и направил его на «оч-чень ответственный» пост... председателя колхоза «Петропавловский» в Острогожском районе. Многим, кто знал энергичного и грамотного секретаря обкома Меркулова, это назначение показалось странным.

Но на провах в Петропавловку Александр Федорович никому не дал повода подумать, что его отправляют в какую-то ссылку. Он как всегда был энергичным и оптимистичным. По нему было видно, что вроде бы, наконец-то, Меркулов дождался настоящей работы! Но что у него было на душе — это его личные переживания... Он быстро перевез свою семью и сдал трехкомнатную квартиру на улице Плехановской в распоряжение финхозотдела обкома партии, даже не сделав попытки сохранить ее за собой. Не в его характере было прописать на воронежской жилплощади маму или тещу, как это нередко делали некоторые подсуевившиеся...

Летом 1986 года мы приехали к нему в колхоз. Шли по селу, и я отмечал, что он уже знает всех сельчан по имени-отчеству, а его уважительно приветствовали и стар, и млад. Он знал про хозяйство буквально все и видел перспективы его развития. Я про себя даже не удивился: ну это же Меркулов, который сам пить-есть не будет, но и другим не даст, пока не добьется своего. Характер!

И средненькое хозяйство, угодыя которого в основном лежали на песчаных почвах, довольно быстро стало одним из лучших в районе. Он был уже влюблен в Петропавловку как когда-то в Каширу, и ни тени недовольства местом проживания даже в мелочах не выказывал. Не исключаю, правда, что в душе он всегда знал, что председательским постом его карьера не закончится. Успехи его как хозяйственного руководителя не могли не признать даже его «доброжелатели» из областных партийных функционеров.

В 1987 году я был направлен на учебу в одно интересное учебное заведение в Москве, и наши встречи стали редкими. Мы перезванивались, но связь тогда была только проводная, и она-то не всегда была доступна. Но мы знали друг о друге практически все.

А потом случился август 1991-го. Мне довелось его встретить в командировке в Нагорном Карабахе. Я туда был направлен первым заместителем главного редактора «Правды» Г.Н. Селезевым в качестве спецкора газеты, доживавшей свой век в статусе «органа ЦК КПСС». Тогда армянские ополченцы захватили в плен более 40 наших солдатиков из внутренних войск. Захватили в знак протеста. Они таким образом наивно пытались побудить руководство СССР занять более внятную и жесткую позицию в армяно-азербайджанском конфликте...

А уже поднявший колхоз из середнячков в передовые и избранный вторым секретарем Острогжского райкома партии, а затем и председателем районного агропромышленного объединения, Александр Федорович в том же августе в полной мере испытал на себе агрессивный антикоммунизм. Но не дрогнул, не согнулся, а возглавил районную парторганизацию КПРФ. Характер!

Мог бы закрепиться на хозяйственных должностях, приватизировать, например, воскозавод, где работал директором. Но это был бы не Меркулов! Уже весной 1994 года он избрался депутатом Воронежской областной Думы 1-го созыва. Избрался фантастически легко! Набрал голосов избирателей почти в три раза больше, чем действующий глава районной администрации. В областной Думе идилии тогда не было, она была жарким дискуссионным местом. Удивительным образом это характеризует воронежцев! При всем разнообразии политических взглядов депутаты работали на перспективу области, понимая свою ответственность перед избирателями.

А в декабре 1995 года Александр Федорович Меркулов был избран депутатом Государственной Думы от КПРФ, причем без какой бы то ни было финансовой поддержки со стороны сумел победить 12(!) соперников.

Мы с ним встретились в здании Государственной Думы, когда я приехал в отпуск из Вены. Он занимал заметную должность заместителя председателя Коми-

С дедушкой всегда уютно

тата Госдумы по спорту, туризму и курортам. Повспомнили каширскую молодость.

— Как тебе удалось избраться, преодолеть такое противостояние власти?!

— Да как... Просто обошел-объехал все села. Побеседовал чуть ли не с каждым избирателем. И везде говорил людям правду.

Должность в Госдуме у него была перспективная. Возраст, образование и опыт позволяли ему рассчитывать на неплохую депутатскую карьеру, которую и делали его коллеги по 2-му созыву. И Государственная Дума тогда, при Председателе Г.Н. Селезневе, была настоящим парламентом, где трудно, с жаркими спорами вырабатывались новые законы. И квартиру уже выделили в депутатском доме в районе Митино. Работай, депутат Меркулов, на благо своих избирателей!

Однако в Воронежской области случился «облом» у ельцинской власти, и И.М. Шабанов победил на выборах губернатора. Одним из «призывников» на руководящие должности в областной администрации стал Меркулов. Он спокойно сдал свой депутатский мандат в обмен на должность первого заместителя губернатора. К ней прилагалась ответственность и за экономику, и за социалку, и за силовые структуры. Этот набор сфер деятельности не зря во все времена знающие чиновники называли «расстрельными». Не в прямом смысле, конечно. Один из работников его аппарата В.А. Поленов как-то мне признался, что, работая с Меркуловым, он не всегда был уверен, что завтра не окажется безработным. Должность его шефа к этому необычайно располагала...

В 1997 году я трудился в Австрии собкором нескольких газет, в том числе и «Коммуны». В то время голодные в прямом и переносном смысле регионы России пытались искать инвестиции везде, где придется. С теми же задачами приехала в Венгрию и воронежская делегация во главе с Александром Федоровичем. Мог ли я пропустить такой момент?! Да ни в жизнь!

Как и с кем я договаривался о поездке из Вены в Будапешт, оставим за скобками. Расстояние в 260 км я преодолел настолько быстро, что до сих пор удивлен, как это меня не оштрафовали за превышение скорости...

В будапештском аэропорту воронежская делегация была заметно обескуражена появлением перед ними собкора «Коммуны». Только не Меркулов — он меня уже ждал — я ж ему вчера пообещал, что приеду. Там в кафе мы и поговорили, и заодно под пиво я проинтервьюировал главу делегации об успешных переговорах с венгерской стороной.

Ну а что вы хотите? Лихие были годы... И нам-то было по 45!

* * *

При любой возможности я заезжаю в отделение Пенсионного фонда России по Воронежской области. Нередко становлюсь невольным свидетелем его бесед с подчиненными, пенсионерами. С каждым идет ровный, уважительный разговор. И его подчиненные никогда не позволяют себе «отфутболить» пенсионера, хотя он даже может просить о чем-то невозможном.

Нередко Александр Федорович искренне сокрушается, что пенсия действительно мала, но она такова по закону... Но если находят его работники возможность по тому же закону поднять ее хотя бы на пару сотен рублей, то Меркулов радуется вместе с пенсионером.

* * *

Есть в моем архиве одна фотография. На кухонном диване в квартире Меркуловых меня легонько обнимает ручкой маленькая девочка, стоящая у меня за спиной. Это первая внучка Меркуловых — Катя. Ей тогда лет пять было, и дедушка с бабушкой были немало удивлены, что эта пигалица согласилась со мной, чужим дядей, сфотографироваться. Теперь она уже студентка, необычайно умная и скромная девица.

Внучек у Меркуловых уже четыре: Катя, Лиза, Александра и Даша. Дед с бабушкой души не чают в них. Мне они тоже почти как родные...

Нет, ну, правда же, нет ничего проще, чем рассказывать о своем друге не-предвзято...

